

А куда едете вы?

Звонок мобильного достал его в автобусе. Димка ехал с работы в институт.

Нет, то, что он туда ехал, на самом деле ещё ни о чём не говорило. Идти или не идти на лекции, он ещё не решил, но на всякий случай ехал. И тут звонок. От Виктора. Вопрос о посещении альма-матер решил сам собой, причём не в её пользу.

Виктор, или попросту Витёк, мог звонить только затем, чтобы пригласить к себе попить пивка или договориться, где встретиться, чтобы там попить пивка.

- Здорово, Вить.
- Здорово. Чего делаешь?
- В автобусе еду.
- В какую сторону?
- В твою.
- Ага. Ну, давай, жду.

До универа оставалось четыре остановки, до Витька – две. Пока ехал, прислушался к себе – совесть молчала. Мало того, впервые, наверное, за последние полмессаца настроение было, скажем так, неплохое.

От остановки до Витькиного дома рукой подать. По пути заскочил в магазинчик, взял пару бутылок пива и пачку сигарет.

Едва притронулся к звонку – Витёк распахнул дверь, как всегда, весь расстрёпанный, глаза вразбежку, улыбка набор:

- Заходи.

Из кухни сразу же выглянула любопытная физиономия Витькиного деда:

- Это хто это?

Дед, подслеповато щурясь, уставился на Димку. Внук отмахнулся от него, не утруждая себя объяснениями, и потянул друга в свою комнату.

Там у самого порога стояли какие-то сумки. Димка, едва не споткнувшись, перешагнул их и, выставив пиво на журнальный столик, плюхнулся на диван.

- Ну, чё у тебя новенького?
- Тут твоя сейчас приходила.
- В смысле? Анька, что ли?
- Ага. Вон сумки принесла с твоими вещами.

Сердце глухо ухнуло, на секунду остановилось и замолотило как бешеное.

– С какими... А-а, ну да, мы же договорились... – враз осипшим голосом пробормотал Димка.

Он потянулся к одной из сумок, подтащил за ручку к себе. Машинально, не отдавая отчёта в том, что делает, на-

чал зачем-то перебирать вещи. А в голове крутилось: «Ну вот, значит, и всё. Теперь уже точно всё».

«Хроники Амбера», несколько дисков, зубная щётка, спортивные штаны... А это что?

Димка вытянул тонкую тетрадку с замятой обложкой. И нелепая круговерть неосознанных мыслей и движений замерла.

Неужели?

Откинувшись на спинку дивана, расправил обложку. Да. Это была та самая тетрадь, где он, уходя, размашисто написал: «Передавай привет подружке Анжелике».

Витёк, всё это время слонявшийся по комнате, перестал наконец маячить.

– Ладно ты, не зависай. – Он открыл банку с пивом, сунул её Димке и сам со второй уселся рядом. – Чего это? Что за Анжелика такая? Почему не знаю?

– Маркиза ангелов, блин.

– Не понял. Но что-то знакомое. – Виктор, потягивая пиво, задумчиво прищурился. – Слушай, кино же такое было!

– Ага, было. А ещё книжка такая есть про Анжелику, и даже не одна, а целая серия.

Витёк потянулся и достал из угла за диваном гитару. Тихо потренькивая, начал подстраивать:

- Ну и?

Димка вздохнул, сунул тетрадку обратно в сумку:

– Помнишь, у меня засада с деньгами была?

– Ага, но ты же вроде выкрутился? – Витёк взял несколько аккордов, прислушался.

– Да я-то выкрутился. А тут как-то захожу к своим, а там паника. Сеструхе надо за учёбу платить, а не хватает. Они ко мне – мол, Дим, не выручишь? И не хватает-то всего столько-то, а у меня у самого голяк полный. Тогда мать втихаря от отца суёт мне пакетик, а в нём колечки её, серёжки: «Дим, ты сдай там где-нибудь, а то я даже не знаю, куда с ними сунуться». Я: «Мам, ты чего?» А она отмахивается: «Сынок, да зачем мне эти побрякушки? Я и так хороша, а у девчонки судьба решается». Блин, я пока от них добирался, голову сломал, где деньги взять. Домой приехал, Анька собирается на семинар. Я говорю: «Слушай, Ань, а у нас нигде никакой заначки не осталось?» Она на меня

– Ну ты заходи, не пропадай.

Автобус был полупустым. Ну как полупустым? Все сидячие места были заняты, кроме тех, что развёрнуты сиденьями к салону. Ну, понятно, кто же сюда сядет, если есть ещё куда приземлиться? Торчишь, как на сцене. Но ехать далеко, не трястись же стоя.

На улице стал накрапывать дождь. По оконному стеклу, оставляя за собой мокрый след, поползли редкие капли, преломляя и искажая сверкающую разноцветными огнями картинку ночного города.

У водителя негромко работало радио. Диджей ловко жонглировали словами и сами же весело хохотали над своими каламбурами. А потом зазвучала мелодия, можно сказать, знакомая с детства. Водитель сделал погромче, и голос Примадонны – прямо в душу, с таким отчаянием и болью:

*Ты так захочешь теплоты,
Не полюбившейся когда-то...*

У Димки защипало глаза. Чёрт, этого ещё не хватало. Он заёрзал на сиденье, сморгнул и, поправляя волосы, глянул из-под руки на людей. В полумраке салона увидел отрёшенные лица. Никто не обращал на него внимания. Каждый в этот момент думал о своём, и кое у кого глаза тоже поблёскивали.

И Димке вдруг неожиданно представилось, как за каждым сидящим в этом автобусе тянется невидимым шлейфом его судьба: встречи и расставания, радости и горькие обиды...

Автобус, слегка потряхивая на дорожных выбоинах, неспешно вёз его туда, где его всегда ждали и любили таким, какой он есть. Но вопреки всему – и здравому смыслу в том числе – ему до щемящей боли где-то под ложечкой хотелось туда, где его уже наверняка не ждали, да и вряд ли когда любили по-настоящему.

глаза вытаращила: «Какой заначки, ты о чём?» – «Ну мы же с тобой помнишь, откладывали как-то на чёрный день», – и обрисовываю ситуацию. Та плечами жмёт: «Ничего мы не откладывали, собирались только». Ну, я прошу её, чтобы там у подруг пробила, может, кто займёт. Она говорит: «Занять-то, конечно, займут, но отдавать придётся с процентами». – «Да и чёрт с ним», – говорю. В общем, она ушла, а я сижу и думаю. Ну как так не откладывали? Я же точно помню. А вот чтобы тратили эти заначки, не помню. Короче, не знаю, что меня толкнуло, подошёл и стал книги по одной брать и трясти. Вот из «Анжелики» баксы и посыпались...

– Так, может, она сама забыла? – нерешительно предположил Виктор.

– Кто, Аня? Забыла про деньги?

– Ну да... – криво усмехнулся Виктор. – Это не про неё. Так ты поэтому и ушёл?

– Да дело даже не в этом. Понимаешь... – Димка задумался, подбирая слова. – Вот у вас с Наташкой... Вы, даже когда ругаетесь в хлам, всё равно вы вместе. Это видно. Это чувствуется. А у нас... вроде и всё нормально, а каждый сам по себе.

– Ну, знаешь, у нас с Наташкой тоже не всё так просто. Но хотя... – Виктор вздохнул и, подыгрывая себе на гитаре, запел слегка надтреснутым тенорком:

*На гвоих – один паспорт для развода менипов,
Плср марки «Романтик» и кассета битлов,
На гвоих – один свитер для холодных ночей,
Лара банок консервов, полкило сухарей...*

Вопросительно глянул на Димана, тот угрюмо кивнул.

Засиделся допоздна. Витёк предложил остаться – сейчас, мол, Натаха уже придёт, картошечки нажарим. Но Димка отказался:

– Не, Вить, пойду я. И мать волноваться будет, да и вообще.

– Ты у родителей теперь?

– А куда мне ещё? С баблом наладится, может, снимать буду, а пока... Ладно, давай.

«Поистине, искусство заключено в природе; кто умеет обнаружить его, тот владеет им».

Альбрехт Дюрер

«Прекрасное воображение столь же необходимо историку, как и поэту, ибо без воображения нельзя ничего увидеть, нельзя ничего понять».

Анатоль Франс

«Кто испытал наслаждение творчества, для того уже все другие наслаждения не существуют».

Антон Павлович Чехов

«Счастье – трата себя на творение своих рук, что будет жить и после твоей смерти».

Антуан де Сент-Экзюпери